

ОЛЕГ
ЛЕЙБОВИЧ

История Джугашвили

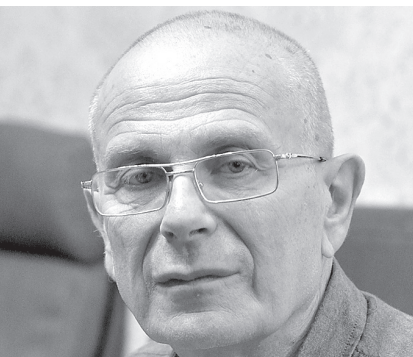
*Сталин. Биография в документах
(1878 – март 1917)*

Часть I: 1878 – лето 1907 года

Часть II: Лето 1907 – март 1917 года

Ольга Эдельман

М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 656 с.

*Олег Леонидович
Лейбович (р. 1949) –
историк, сотрудник
Института истории
и археологии Уральского
отделения Российской
академии наук (Пермь).*

Прочтя двухтомную монографию Ольги Эдельман, я подумал о том, понравилась ли бы она главному герою. Иосиф Виссарионович Сталин, бывший какое-то время «корифеем науки», не обошел своим вниманием и историю. Используя свой излюбленный прием редактирования и комментирования чужих текстов, он предложил правила, которыми должен был руководствоваться историк-большевик. Чтобы их сформулировать, секретарь ЦК ВКП(б) в присущей ему манере дискредитировал иные «порочные методы» или «исправлял» ошибки заблуждающихся неразумных товарищей по партии или даже заезжих знаменитостей – вроде немецкого писателя Эмиля Людвига. Тот на рубеже 1920–1930-х ездил по европейским столицам и брал интервью у сильных мира сего – в том числе у диктаторов. Сталин произвел на него столь сильное впечатление, что свой очерк о нем он закончил словами:

**НОВЫЕ
КНИГИ**

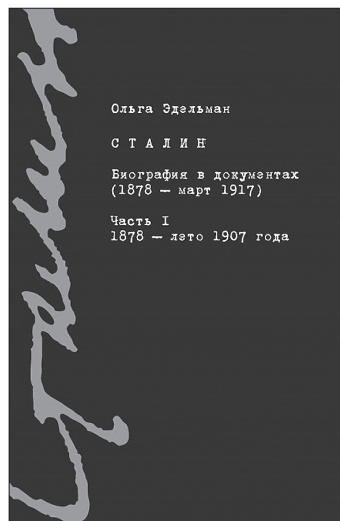
«Сталин – человек, которого боятся многие мужчины и женщины, но не испугаются ни дети, ни животные. Раньше таким людям давали прекрасное имя – отец народа»¹.

ОЛЕГ ЛЕЙБОВИЧ
ИСТОРИЯ ДЖУГАШВИЛИ

С Людвигом Сталин был благожелателен и добродушен, объяснял ему, что марксисты отнюдь не отрицают роль героев и выдающихся личностей, «великих людей» – так поступают только вульгаризаторы марксизма. Подлинные марксисты знают, кто может претендовать на подлинное величие. Им полагается быть революционерами, или хотя бы реформаторами, преобразующими доставшийся им по рождению мир: «Великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить»².

Для характеристики Ленина – в другой, более привычной ему, аудитории – Сталин употреблял иные слова: «руководитель высшего типа», добавив к ним метафору «горный орел»³. В телеграмме Вячеславу Молотову (1946) он убрал метафору и заменил слово «руководитель» на «государственный деятель», но оставил указание на статус – «высшего типа»⁴. Люди такого уровня должны сами заботиться о собственном достоинстве. А другие люди, в том числе писатели и историки, обязаны это достоинство поддерживать, соблюдать соответствующий протокол. «Обрядность, – говорил он кремлевским курсантам, – импонирует, внушает уважение»⁵.

Изнаночной стороной большевистской обрядности, согласно Сталину, были бдительность и грубость. Их он продемонстрировал в полной мере в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931), еще до встречи с немецким писателем. Импульсом для письма послужила опубликованная в журнале в 1930 году статья Анатолия Слуцкого. Автор – историк рабочего движения – нарушил в своем тексте некоторые уже сложившиеся к тому времени правила. Он писал о Ленине без должного пиетета, найдя в его позиции по отношению к левым в германской социал-демократии следы политического расчета. Сталин обнаружил в статье «троцкистскую контрабанду», заклеил ее автора всеми соответствующими словами: «учеником Троцкого», «клеветником» «шарлатаном», «мошенником», «жуликом» и «крючкотвором»⁶. В сталинском письме

- 1 Ludwig E. Stalin // ИДЕМ. *Führer Europas. Nach der Natur gezeichnet*. Amsterdam: Querido Verlag, 1934. S. 311.
- 2 Сталин И.В. *Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.* // Он же. *Сочинения*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. Т. 13. С. 106.
- 3 Он же. *Речь на вечере кремлевских курсантов школы ВЦИК, посвященном памяти Ленина // О Ленине. Сборник воспоминаний*. М.: Госиздат, 1924. С. 4.
- 4 Он же. *Из шифротелеграммы И.В. Сталина В.М. Молотову, 5 декабря 1946 года // Коммерсантъ Власть*. 2016. № 45. 14 ноября. С. 46.
- 5 Он же. *Речь на вечере...* С. 4.
- 6 См.: Он же. *О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Он же. Сочинения [1951]*. Т. 13. С. 84–102.

был задан новый стандарт полемики на исторические темы. Сталин несколько раз повторил, что дискутировать с врагами ленинизма нельзя:

«Всем известно, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаетесь превратить аксиому в проблему, подлежащую “дальнейшей разработке”»⁷.

Отвлечемся от политических мотивов, побудивших Сталина написать и опубликовать это письмо, и сосредоточимся на его историческом содержании. Самое главное в нем заключается в отождествлении исторического и политического высказывания. Слуцкий не потому является «учеником Троцкого», что примыкал к оппозиционной группе, подписывал какое-то заявление или неправильно голосовал в партиячке. Нет, историк клеймится «троцкистским контрабандистом» за то, что «неправильно» описал один из эпизодов истории партии, тем самым перейдя в контрреволюционный лагерь. По ходу дела Сталин уточнил, что «троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР»⁸.

Далее, Сталин объясняет, что привело Слуцкого к политическому преступлению. Прежде всего – порочный «метод копирования в случайно подобранных бумагах». Хороший же историк, напротив, «должен был сделать основой своей статьи не отдельные документы и два–три личных письма, а проверку большевиков по их делам, по их истории, по их действиям»⁹.

И вообще заниматься архивными изысканиями – занятие вредное и зряшное:

«Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам прежде всего, а не только по их декларациям?»¹⁰

«Дела» здесь противостоят «бумажным документам». Последние весьма сомнительны по части их соответствия исто-

7 Там же. С. 85.

8 Там же. С. 98.

9 Там же. С. 96–97.

10 Там же. С. 96.

рическим фактам. Вместо копания в архивах историк должен обратиться к живой действительности, к делам и действиям. И здесь возникает вопрос: из каких источников историк о них узнает? Здесь Сталин не дает ответа: либо он кажется ему совершенно очевидным – из непосредственного участия в социалистическом строительстве, либо из официальных, стало быть, опубликованных в советской печати современных партийных резолюций, материалов съездов и докладов вождей.

На исходе 1930-х Сталин предъявляет свое представление о научной истории более подробно и последовательно. Поводом послужило издание «Краткого курса истории ВКП(б)». Прежде всего он разъяснил, по какой логике выстроен этот учебник по истории партии:

«“Основные идеи марксизма-ленинизма” образуют его основания. К ним добавлены факты как “иллюстрационный материал” и доказательства правоты идей. При этом отобраны факты, “которые должны быть всем известны”»¹¹.

Всем – это значит партийцам, прошедшим соответствующие школы и курсы политического просвещения, усердным читателям газет или школьникам, узнавшим их из учебников истории.

Остается неясным, что имел в виду Сталин: только ли структуру учебника по истории партии или же и саму историю как процесс. Позднее он высказался на эту тему, напомнив читателям своей книги «Экономические проблемы социализма», что есть объективные, не зависящие от воли людей законы общественного развития. Ими, однако, можно управлять.

«Доказано, что общество не бессильно перед лицом законов, что общество может, познав экономические законы и, опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и “оседлать” их»¹².

Формулировка законов также принадлежит миру марксистско-ленинских идей. Их содержание обладает непреложной, универсальной и всеобщей истинностью. О ней нет смысла спорить – ее следует просто принять и историкам, и литераторам.

Что в таком случае остается историкам, если истина обнаружена; факты говорят сами за себя языком партийных постановлений? Последовательно их соединять в соответствии с логикой идей.

11 Стенограмма выступления И.В. Сталина по вопросам партийной пропаганды в связи с «Кратким курсом» на заседании Политбюро. 10 октября 1938 г. // Он же. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Часть 1. 1920–1930-е годы / Сост. М.В. Зеленов. СПб.: Наука-Питер, 2006. С. 430.

12 Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Он же. Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 16. С. 156.

Сталин помнил, «что люди делают историю»¹³. Вот только история, «заостренная на лицах», убога и бесполезна:

«Старые учебники... излагают события в узком историческом разрезе и часто на лицах отыгрываются. ЦК считает, что этот метод педагогически не удовлетворителен, он мало воспитывает. ЦК считает, что не на том надо воспитывать, кто сколько раз в ссылку высылался, кто сколько раз был в тюрьме и т.д., хотя это также имеет известное значение. История, заостренная на лицах, для воспитания наших кадров ничего не дает или дает очень мало, историю надо заострить на идеях. Именно поэтому в "Кратком курсе..." о лицах говорится мало, именно поэтому весь материал расположен по узловым пунктам развития нашей партии, по узловым пунктам развития идей марксизма-ленинизма»¹⁴.

Для воспитания больше подходили писатели – «инженеры человеческих душ»¹⁵. Они лучше владели словом и были более восприимчивы к духу времени, чем историки. Академик Степан Веселовский – знаток русского Средневековья заметил по этому поводу: «Новостью является только то, что наставлять историков на путь истины "сравнительно недавно" взялись литераторы, драматурги, театральные критики и кинорежиссеры»¹⁶. Алексей Толстой за два года до появления «Краткого курса...» предугадал его основную идею:

«Иные из советских литераторов с трудом усваивают, что истина, одна, отчетливая, ясная, реальная, осуществляемая всем нашим строительством истина – учение четырех великих мыслителей и вождей человечества, – бережется в Центральном Комитете партии большевиков, и руководить историей страны, думами человеческими у нас не поручено безответственной инициативе»¹⁷.

Сталин вряд ли бы одобрил инициативу историка-архивиста Ольги Эдельман описать его жизненный путь до 1917 года. И дело не только в том, что секретарь ЦК ВКП(б) самоустранился «от создания собственной биографии, [...] к нему нельзя было обращаться за сведениями и справками о его прошлом» (Ч. I. С. 21). Эдельман по всем пунктам отступила от сталинских правил исторического описания. Архивный документ для нее значит много больше, нежели любая теоретическая конструкция. «Всем известным фактам» Эдельман несколько не доверя-

13 Он же. *Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.* С. 106.

14 *Стенограмма выступления И.В. Сталина...* С. 432.

15 См.: Файбышенко В. *От инженера души к инженерам душ: история одного производства* // Новое литературное обозрение. 2018. № 4(152) (www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/152/article/20026/).

16 Веселовский С.Б. *Исследования по истории опричнины.* М.: Академия наук СССР, 1963. С. 34.

17 Толстой А.Н. *Больше творческого дерзания. Речь на X съезде Всесоюзного Ленинского комсомола 19 апреля 1936 года* // Он же. *Собрание сочинений.* М.: ГИХЛ, 1961. Т. 10. С. 325.

ет, постоянно проверяя их на достоверность и аутентичность. И при этом отказывается соблюдать этикетные правила при характеристике своих персонажей, описания событий и инстинтуций. Ни разу мне не приходилось ранее встречаться с такой оценкой партийных съездов: «V съезд РСДРП по сути прозвучавших там речей и дебатов был на изумление bestолковым мероприятием» (Ч. I. С. 589).

Герой ей, естественно, интересен, но видеть в нем «руководителя высшего типа» она решительно отказывается: «Как ни странно, сложно даже дать краткий, в одну-две фразы, ответ на вопрос, что делал Коба в революционном движении» (Ч. II. С. 620).

Вопрос о том, является ли монография Эдельман политическим высказыванием, пока оставим открытым.

Свою исследовательскую задачу автор изложила следующим образом:

«Предлагаемая вниманию читателя работа имела целью собрать воедино основной корпус документальных источников о жизни И.В. Джугашвили до Февральской революции 1917 г. и сопроводить их детальным авторским текстом, причем так, чтобы и то и другое присутствовало в каждой главе. Эта не вполне обычная структура, соединяющая сборник документов с биографической монографией, была выбрана из-за специфики темы и материала» (Ч. I. С. 8).

Имя Иосифа Джугашвили в этом абзаце появляется отнюдь не случайно. Эдельман занимается историей революционера-подпольщика, пользовавшегося самыми разными псевдонимами: Сосо, Коба, Иванович, Нижерадзе – отнюдь не только Сталиным. Но дело не только и не столько в этом. Имя Сталин принадлежит советскому государственному деятелю, оно маркирует целую эпоху в истории XX века. Исследователя интересует иной вопрос, каким был ее герой в иное время и в ином статусе:

«Фигура Сталина в период руководства Советским Союзом находится в центре внимания, и он же в роли революционера-подпольщика продолжает оставаться в тени. С одной стороны, это совершенно естественно. С другой, – все же несколько странно приступить к изучению биографии исторического деятеля в его 40-летнем возрасте, почти не зная предыстории» (Ч. I. С. 7).

О руководителе советского государства написано много. «Ранняя часть его биографии была представлена весьма схематично, а скудость сведений побуждала авторов изощряться в бесконечно варьирующихся интерпретациях» (Ч. I. С. 29). Чтобы читатель представил трудности в работе над биографией, Ольга Эдельман воспользовалась метафорой:

«Исследователь обречен блуждать, будто в зеркальном лабиринте, где зрелый Сталин не то напоминает молодого Кобу, не то подменяет его своими поздними парадными, льстивыми портретами, да еще и изготовленными с учетом меняющейся моды на идеальный образ вождя» (Ч. I. С. 48).

Нужно заметить, что Ольга Эдельман не склонна настежь открывать двери для читательской публики в свою исследовательскую лабораторию. Попытаемся сделать это за нее, воспользовавшись подсказками из книги.

Прежде всего автор относит свой текст к академическим исследованиям – это позволяет свести к минимуму историографическую тематику. Популярные пересказы сталинской биографии – «всемирно известные факты» – ее очень мало интересуют, разве что в том случае, когда нужно вновь и вновь опровергнуть расхожие легенды из «околосталинской мифологии». Западную ветвь историографии Ольга Эдельман ставит не очень высоко, прежде всего в силу ограниченного, повторяющегося из книги в книгу набора «сведений и цитат» разной степени достоверности, сделав исключение для трудов Роберта Сервиса, Стивена Коткина, а ранее Роберта Такера и Рональда Суни за то, что они использовали «документы и воспоминания, опубликованные в советской печати» (Ч. I. С. 31).

Придирчивый читатель обязательно обнаружит лакуны в ее историографических заметках, недооценку тех или иных авторов, но, чтобы снять критику такого рода, нужно издать другую книгу и собрать в ней воедино не «корпус документальных источников», но корпус опубликованных работ о Сталине.

Автор использует хронологический принцип в жизнеописании своего героя. В 28 главах книги поэтапно воспроизводится его жизненный путь от рождения в декабре 1878 года до мартовских дней 1917-го: детство, юность, зрелость. Указан и переломный момент – выход в 1905 году из кавказского круга в общероссийский мир, естественно, социал-демократический, большевистский. Сославшись на наблюдение Сервиса, Ольга Эдельман отмечает: «С изменением положения Кобы в партии он сменил язык, перестал писать статьи и листовки по-грузински и полностью перешел на русский язык» (Ч. I. С. 450). Автор напоминает, что официально принятая в сталинскую эпоху дата рождения Иосифа Джугашвили – 21 декабря (по новому стилю) 1879 года – не верна.

«Опубликованная в годы перестройки запись в метрической книге горийского Успенского собора свидетельствует, что Иосиф Джугашвили родился 6 декабря (18 декабря по новому стилю) 1878 г. Та же дата – 6 декабря 1878 г. – значится и в свидетельстве об окон-

чании Горийского духовного училища, выданном Иосифу Джугашвили в июне 1894 г. Ее и следует считать достоверной» (Ч. I. С. 55).

ОЛЕГ ЛЕЙБОВИЧ
ИСТОРИЯ ДЖУГАШВИЛИ

В детстве мальчика автор не обнаруживает ничего особо примечательного, оно было таким же, как у его сверстников «из бедной семьи в уездном городке на окраине Российской империи» (Ч. I. С. 54).

«В остатке мы увидим обычного мальчика, умного, способного, в меру шаловливого, имевшего причины чувствовать себя рядом со сверстниками ущербным физически и социально (бедность, распавшаяся семья), старавшегося компенсировать это усердной учебой» (Ч. I. С. 64).

Так Ольга Эдельман пишет о начале пути своего героя. О завершающем этапе его дореволюционной биографии она высказывается менее определенно:

«После многих лет изучения этого персонажа невозможно расстаться с ощущением, что он неизменно пребывает в тени, его не удастся высветить и рассмотреть, можно лишь стараться очертить контуром эту серую зону (серую не в оценочном, а в буквальном смысле – неясную, слабо видимую), нащупать ее очертания. Но в сердцевине по-прежнему остается неясность» (Ч. II. С. 619).

К этой неопределенности еще предстоит вернуться.

Ольга Эдельман – историк-архивист; именно по этой причине филигранная практика по выявлению, отбору и критике источников является основным методом исследования. Итоги этой работы она отдает на суд читателей, завершая каждую главу выдержками из отобранных ею документальных свидетельств. Эдельман указывает на трудности, с которыми сталкивается исследователь революционного этапа сталинской биографии, – заметим, не только сталинской:

«Не существует ни одной категории источников о молодом Сталине, которые можно было бы счесть априори более или менее объективными и заслуживающими доверия. Иосиф Джугашвили рос, взрослел, начинал самостоятельную жизнь в среде, где не вели дневников и почти не писали писем. Идея записать воспоминания о нем появлялась лишь вместе с появлением и развитием культа его личности, от которого ни один мемуарист не мог быть свободен, вне зависимости от того, был он другом или недругом. Большевики-сталинисты и большевики, Сталиным репрессированные, меньшевики-эмигранты – каждый исходил из собственной позиции, положения и судьбы, и это не могло не отразиться на содержании мемуаров. Царские жандармы оставили обильную документацию, но по понятным причинам их осведомленность о делах РСДРП была ограниченной» (Ч. I. С. 9).

Критика источников – обязательный элемент профессионального исторического исследования. Особенностью авторского стиля можно считать технику отбора источников на заданную тему, отделение достоверных сведений от сомнительных или просто вымышленных. Об этой технике Эдельман сообщает мало, более того, отказывается объяснять, как именно ею производился выбор: «Вдаваться в каждом случае в пояснения причин, по которым мы не доверяем тому или иному документу, совершенно невозможно» (Ч. I. С. 51). В данном случае невозможность служит синонимом интуитивности, то есть исторического чутья – специфического проявления профессиональной компетентности. В отличие от других ее элементов, интуицию невозможно объективировать, разложить на составные части, сделать всеобщим достоянием. Интуиции можно доверять или не доверять, но считать ее сомнительным приемом не следует. Ею пользуются многие историки, но не заявляют об этом во всеуслышание или не отдают в себе этом отчета. Впрочем, на один из методов проверки достоверности источников есть указание в тексте монографии. Речь идет о сопоставлении отдельного документа с серией документов на ту же тему. Источник следует рассматривать «в совокупности, в ряду однотипных примеров» (Ч. I. С. 320) – и тогда выявляется степень его достоверности. Чтобы оценить этот прием, достаточно одного примера. Во множестве источников, в том числе и социал-демократического, и жандармского происхождения, повторяется одно и то же: товарищи исключили Иосифа Джугашвили из партии либо из-за дисциплинарных проступков, либо из-за дурных нравственных качеств. Эдельман считает эти сведения не заслуживающими доверия: «Невозможно представить, чтобы столько раз исключенный из партии и уличенный в тягчайших с точки зрения подпольщиков проступках человек одновременно продолжал делать успешную карьеру в той же самой партии» (Ч. II. С. 218).

Биография Иосифа Джугашвили, согласно авторской позиции, может быть адекватно представлена и, стало быть, понята только в определенном социальном контексте: главным образом в реальностях революционного подполья на Кавказе: «Джугашвили полностью принадлежал подполью» (Ч. II. С. 26). Подполье, по мнению Ольги Эдельман, представляло собой теневую структуру российского общества – «параллельную реальность», в которой действовали особые правила общежития, «во многом сходные с законами любой другой существующей вне законных рамок криминальной среды» (Ч. II. С. 621). Нравы, в нем царившие, были далеки от «романтического предания», ставшего неотъемлемой частью революционного мифа, «чем-то вроде квазирелигии нескольких поколений интеллигенции» (Ч. II. С. 622).

«Атмосфера среди бакинских большевиков была далека от товарищеской идиллии, и, по-видимому, это нормальное, естественное состояние подпольной среды», – замечает автор (Ч. II. С. 219). Погрузившись в нее, человек становился скрытным, подозрительным, ожесточенным. Ссылные истории, то есть «склоки и дразги» в тесном принудительном сообществе социал-демократов и социалистов-революционеров, волею начальства принужденных томиться в бездеятельности в отдаленных уголках империи, были своего рода продолжением подпольного существования. Правда, по мнению автора, только в подполье «семинарист Иосиф Джугашвили (в легальной жизни он мог рассчитывать самое большее на положение сельского учителя или священника) имел шанс стать значительной фигурой и уважаемым человеком» (Ч. II. С. 621). Вряд ли можно согласиться с тем, что в пореформенной Российской империи у выходца из низов не было иных шансов на социальную карьеру. «Кухаркины дети» могли сдавать экзамены за гимназический курс, открывавшие для них дорогу к университетской скамье. И мастеровой, проявивший усердие и смекалку, мог получить направление на технические курсы куда-нибудь в Бельгию или Швецию, а после их успешного окончания исполнять инженерные обязанности в промышленности с соответствующим общественным положением и окладом жалования. Здесь на память приходит история литейного модельщика Керченского завода Сергея Мартыненко, ставшего сперва конструктором, а к 1917 году и начальником завода¹⁸. Такое явление не было массовым, но все-таки речь идет отнюдь не о единичных случаях, не об исключениях из общих правил. Действительно, в подполье можно было сделать быструю карьеру, «выйти в генералы от революции», но риски были непомерно велики. Все могло закончиться каторжными работами, даже казнью, или эмигрантским прозябанием до конца дней своих. Иосиф Джугашвили так или иначе свой выбор сделал, причем, по мнению Ольги Эдельман, отнюдь не из-за революционного фанатизма или глубокой приверженности социал-демократической доктрине: «В этой системе координат для него была открыта перспектива лидерства, своего рода карьера, чем он и не преминул воспользоваться» (Ч. I. С. 125). И важно отметить, что его политическое «Я» сформировалось в удушливой атмосфере подполья: подозрений, недоброжелательства, клеветы и разочарований. В Батуме Иосиф Джугашвили «был предан теми самыми рабочими, за права которых, как ему казалось, он боролся» (Ч. I. С. 205).

Ольга Эдельман отмечает стойкую неприязнь старых большевиков к своему герою. И тут естественно задать вопрос: все

18 См.: Колчанова Ю.С. «Не личная выгода меня держала здесь...». Жизненные миры советских инженеров в 1930-е г.г. Пермь: ПГИК, 2017. С. 99–101.

ли они друг к другу так относились, в чем-то подозревали, до конца жизни помнили обиды, страдали от того, что на публике полагалось говорить о товариществе и братстве? Или все-таки чувство отторжения было выражено по отношению к единственному человеку – Кобе? И если верно последнее, то что они заметили в нем из того, о чем не знают историки, о чем не сохранилось письменных свидетельств? Он мог казаться «чудеснейшим грузином» на большом расстоянии, а вот не чувствовали ли его сотоварищи, вплотную с ним соприкасавшиеся, запаха серы? К слову сказать, трудно передать бумаге неприятное, смутное впечатление о когда-то встреченном человеке. Чем-то он не понравился, и очень сильно, а вот чем – не описать. И тогда Коба превращается в невидимку. О нем молчат мемуары. А в устной традиции передаются страшноватые слухи и ссыльные сплетни.

Наконец, книга Ольги Эдельман – полемическое произведение. Здесь можно выделить два аспекта: уже отмеченную ранее критику источников и дискуссию с собратьями по историческому цеху. Например, она вполне доказательно квалифицирует так называемые «воспоминания Семена Верещака» как фальсификацию:

«Большинство сообщенных Верещаком подробностей не выдерживают проверки фактами и являются чистейшим вымыслом. Но его статья стала одной из первых в череде эмигрантских псевдооткровений о советском диктаторе, поэтому была замечена, цитировалась, а фантазии автора вошли в комплекс зарубежной сталинианы. Советские партийные пропагандисты, как ни странно, тоже приняли ее за чистую монету. [...] Источником сведений для сталинской биографии его псевдовоспоминания служить не могут, но представляют интерес как часть заграничной сталинианы» (Ч. II. С. 214–215).

Столь же некритично в отечественной литературе относятся к мемуарам Иосифа Иремашвили. Так, Николай Капченко считал их «одним из наиболее ценных материалов, проливающим свет на юные годы Сталина и на некоторые обстоятельства его жизни»¹⁹. Ольга Эдельман видит в них по преимуществу «политический памфлет», а содержащиеся в нем рассказы «тенденциозными и лживыми» (Ч. I. С. 62). Она считает совершенно несостоятельными сообщения о послереволюционной чистке архивов, ставших общим местом в очерках о сталинской исторической политике. «Ни репрессии, ни уничтожение документов, ни спецхран, ни подделки – ничего не помогло»²⁰.

19 Капченко Н.И. *Политическая биография Сталина. Том I (1879–1924)*. М.: Политическая литература, 2004. С. 43.

20 См.: Сталин И.В. *Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы*. С. 117.

Эдельман вполне аргументированно доказывает, почему «мнение об изъятии из архивов компрометирующих Сталина документов является далеким от действительности порождением богатой околосталинской мифологии»:

«В поиске компрометирующих Сталина документов должна была бы участвовать целая команда проверенных работников органов госбезопасности и помогающих им архивариусов. Разве осторожный, подозрительный диктатор мог бы устроить такое собственными руками? Даже если бы он предполагал, что в недрах архивных папок может найтись нечто бросающее на него тень, любой сколько-нибудь расчетливый правитель (а Сталин, несомненно, таким был) предпочел бы просто максимально ограничить доступ любопытствующих к этим папкам и стеллажам и не стал бы делать их содержимое достоянием всей иерархии НКВД» (Ч. I. С. 40).

Эдельман считает ничем не доказанным утверждение о сотрудничестве Джугашвили с охранкой: «До сих пор прямых либо косвенных документальных доказательств связей Сталина с охранкой выявить не удалось, а выдвигавшиеся прежде версии не выдерживают критики» (Ч. I. С. 17). Столь же далекими от истины Эдельман считает рассказы об участии Иосифа Джугашвили в экспроприациях, в руководстве боевыми отрядами грузинских большевиков в 1905 году:

«Убеждение, что Сталин в свое время был причастен к бандитским предприятиям, налетам, грабёжам, было глубоко укоренено в Закавказье, но до нас дошло исключительно в виде слухов, без какой-либо конкретной привязки к месту и времени действия» (Ч. I. С. 464).

Нет также свидетельств о том, что он участвовал в повстанческих действиях, более того, когда-либо носил с собой оружие. Источники подобного рода слухов Ольга Эдельман находит в среде грузинских меньшевиков, способных и производить, и распространять любую клевету на своих большевистских соперников. Сталин, замечает автор, их почему-то «страшно раздражал» (Ч. II. С. 620).

Эдельман не упускает случая отыскать в работах своих коллег излишнюю доверчивость по отношению к сомнительным свидетельствам современников, поиск тайных пружин сталинской активности и всякого рода преувеличения. Такого рода «безосновательным преувеличением» она считает мнение Игоря Курляндского²¹, что в детских шалостях юного семинариста проявились «свойственные ему черты садизма» (Ч. I. С. 80).

Автор высоко оценивает исследование Александра Островского²², но тут же отмечает свойственную ему «подозритель-

21 Курляндский И.А. *Сталин, власть, религия*. М.: Кучково поле, 2011.

22 Островский А.В. *Кто стоял за спиной Сталина?* СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2002.

ность и попытки найти “за спиной Сталина” некие влиятельные силы, способные подменить Иосифа Джугашвили по пути в ссылку и проч.» (Ч. II. С. 103).

Полемичность книги отнюдь не случайна. Она опирается на общее представление Эдельман о том, как следует реконструировать биографию исторического деятеля прошлого. Он принадлежит своей эпохе и своей среде: ее обыденностям, идеям и предрассудкам. То, что о нем рассказывали современники, то, что дошло в устных преданиях, некогда записанных этнографами и музейными работниками, относится к фольклорному жанру. Эдельман особенно отмечает, что «культ Сталина активировал глубинные уровни фольклорного сознания, особенно у его грузинских земляков, и заметнее всего это сказалось на букете преданий о его детстве» (Ч. I. С. 54). И задача историка не обличать или прославлять, но, используя весь инструментарий его науки, произвести адекватную интерпретацию существующих источников и на ее основании написать биографию. Естественно, такая биография не может быть зеркальным отражением жизненного пути героя, полностью аутентичной по отношению к его мыслям и действиям, но по мере возможности предстанет «очищенной» от легенд и фальсификатов и не подверженной злобе дня. Ольга Эдельман превосходно осведомлена о последующей эволюции своего персонажа. Она открыто признает: «Неизвестно, когда и как юный романтик Сосо, любитель Виктора Гюго, писавший стихи о бутоне розы и пении соловья, превратился в циничного и безжалостного Сталина» (Ч. I. С. 205). Историк Эдельман твердо знает, что густая тень, отбрасываемая диктатором на его прежние годы, должна быть рассеяна. Иначе мы ничего не поймем о том, каким образом борцы с самодержавием превращались со временем в «государственных деятелей высшего типа», в «отцов народа». Иосиф Джугашвили – еще не Сталин. И он имеет право на собственное историческое жизнеописание – не на памфлет, не на сказание, не на житие «св. Иосифа» в парадном мундире. Так, на мой взгляд, можно обозначить *credo* историка Ольги Эдельман. С этой позиции она и полемизирует со своими коллегами.

Ольга Эдельман пишет биографию Иосифа Джугашвили, тщательно отбирая и просеивая источники. Она отмечает, что в свидетельских показаниях о ее герое множество оценочных суждений и мало описаний событий. А те, что есть, изобилуют «неясностями, пробелами, слухами и версиями разной степени фантастичности и недостоверности» (Ч. I. С. 7). В 1920-е о нем «не писали по причине отсутствия широкого интереса к его персоне, а если и писали, то это были скорее вбросы компрометирующих сведений на фоне борьбы за власть. В период культа личности писать было можно лишь в рамках, заданных офици-

альной пропагандой: восторженно, с преувеличением его значения и заслуг, приписывая ему чуть ли не с пеленок руководящую роль в закавказском революционном движении» (Ч. I. С. 45).

Не со всем здесь можно согласиться. Действительно, о Сталине-революционере в первое десятилетие советской власти писали мало и вспоминали скупое. И дело не только в том, что участники большевистского подполья не видели в нем значительной и, главное, яркой фигуры. Здесь Иосифа Джугашвили подвела конспиративность. Он виртуозно скрывал свою активность не только от жандармов (им так и не удалось уличить его в преступлениях, караемых по суду тюремным заключением или каторгой), но и от товарищей по партии, не без оснований подозреваемых в провокации. Когда старые большевики по настоянию Истпарта писали или диктовали свои мемуары, вряд ли они руководствовались политическими резонами. Так в сборниках воспоминаний, изданных в 1924 году «под эгидой Бакинского комитета Компартии Азербайджана», едва ли не полностью отсутствует имя Сталина, «есть только несколько скупо упоминаний» (Ч. I. С. 13–14). Причем среди авторов были Авель Енукидзе, Серго Орджоникидзе, Анастас Микоян. Все они не участвовали в партийных оппозициях; во фракционной борьбе держались имени Сталина. По мнению Ольги Эдельман, «это было следствием неприязненного отношения к Сталину в тогдашней верхушке бакинского партийного руководства» (Ч. I. С. 14). Такая гипотеза, по всей видимости, имеет право на существование, но весомых доказательств в книге нет. Тот факт, что Лев Троцкий внимательно читал опубликованные в журнале «Печать и революция» письма Якова Свердлова из Туруханской ссылки (в них Свердлов корил своего товарища по изгнанию: он-де слишком большой индивидуалист в обыденной жизни), еще не делает эту публикацию добавочным шагом «в той же внутривнутрипартийной борьбе биографий и компроматов» (Ч. I. С. 15). Замечу, что в составе редколлегии этого журнала (Анатолий Луначарский, Николай Мещеряков, Михаил Покровский, Вячеслав Полонский, Иван Скворцов-Степанов) не было ни одного сторонника левой оппозиции²³.

В 1930-е партийная политика исторической памяти существенно обновилась. Новый государственный порядок нуждался в иных традициях, отнюдь не революционных. Складывается впечатление, что в верхах услышали и правильно поняли саркастическое замечание Бернарда Шоу, посетившего СССР в 1931 году:

«После посещения московского Музея революции Шоу сказал изумленному экскурсоводу, ожидавшему его одобрения: “Вы, наверное,

23 См., например, выходные данные первого номера за 1924 год: www.vitber.com/lot/17830.

с ума сошли, что прославляете восстание теперь, революция – это правительство? Вы что, хотите, чтобы Советы были свергнуты? И разве благоразумно учить молодежь, что убийство Сталина будет актом бессмертного героизма? Выбросьте отсюда всю эту опасную чепуху и превратите это в музей закона и порядка”»²⁴.

Эдельман отмечает:

«В 1930-е гг. история подполья стала пресной, чинной, состоящей исключительно из штудий марксизма, теоретических споров, публицистики, изготовления листовок, а также моментов, когда большевики возглавляли восстания трудящихся масс (что описывалось преимущественно обтекаемыми фразами об “агитационной и организационной работе”» (Ч. I. С. 18).

Лозунг «Сталин – это Ленин сегодня» повлек за собой далеко идущие последствия. В официальных публикациях сталинскую революционную биографию подверстали под ленинскую. Ильич без устали писал боевые разоблачительные статьи, пополнял сокровищницу марксизма. И товарищ Сталин делал то же самое, только до поры до времени в других газетах. Ленин, строя партию нового типа, руководил большевистскими съездами, конференциями, совещаниями. И Сталин в Закавказье организовывал партийные массы. Ленин встречался с рабочими и игнорировал всякого рода эмигрантские сборища. И Сталин поступал так же, даже в тюрьме предпочитая беседовать с городскими и сельскими пролетариями (уголовниками), нежели спорить с меньшевистствующими и эсерствующими интеллигентами. Из собственной биографии у него оставались побеги из ссылки и схватки с жандармами. Эмиль Людвиг напомнил своему собеседнику, что тот неоднократно подвергался «риску и опасности, вас преследовали, вы участвовали в боях, ряд ваших близких друзей погиб»²⁵. Сталин выслушал его благосклонно, а вот напоминания о побегах из ссылки ему по вкусу не пришлись. Позднее он скажет: «Не на том надо воспитывать, кто сколько раз в ссылку высылался, кто сколько раз был в тюрьме»²⁶.

По мере обострения фракционной борьбы нападки на Сталина ужесточились. Особенно отличались в них его земляки – проявлялся южный темперамент. Как рассказывал своему партнеру по шахматам бывший секретарь Закавказского крайкома РКП(б) Серго Ломинадзе, во время внутрипартийной дискуссии «дело доходило чуть не до кулачных боев»²⁷.

24 Хьюз Э. *Бернард Шоу*. М.: Молодая гвардия, 1966. С. 190.

25 Сталин И. В. *Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.* С. 119–120.

26 *Стенограмма выступления И. В. Сталина...* С. 432.

27 *Протокол допроса Баранова Арона Генриховича 19.10.1936.* Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14 399. С. 57(об).

Ольга Эдельман сумела из разрозненных, противоречивых, разной степени достоверности свидетельств воссоздать биографию Иосифа Джугашвили, более того – крупными штрихами набросать его портрет:

«Гораздо легче описать Кобу, прибегнув к методу негативных исключений и перечислив, [к]ем он не являлся и чего не делал: не был крупным теоретиком марксизма, не был видным публицистом, темпераментным трибуном, вождем-комбатантом и т.д. Провальным оратором, высокомерным грубияном, демонстративно властолюбивым он также не был. Выступать он умел, не поражал воображения слушателей, но мог добиться нужной реакции. Близких друзей не имел, но умел ладить с людьми, особенно с простыми рабочими, которым импонировал отсутствием интеллигентских замашек. От женщин головы не терял, но влюблялся, привязывался, уязвленно переживал измену. Был, несомненно, умен, однако ум этот направлял в большей мере на решение организационных вопросов и улаживание отношений (или на интриги?), нежели на броские высказывания. Рассказчики часто отмечали, что он был веселым, шутил» (Ч. II. С. 620).

Ольга Эдельман сделала то, что под силу специализированному институту: написала и издала академическую биографию Сталина-революционера. Академическую, стало быть, полную, подготовленную по всем правилам исторического исследования, тщательно вычитанную. Даже мельчайшие факты в ней проверены. Я обнаружил одну-единственную неточность, касающуюся места обучения Степана Шаумяна: тот учился в горной академии во Фрайберге (Freiberg), а не во Фрибурге, где такого заведения не было (Ч. II. С. 24).

Академизм не предполагает бесстрастности. Ольге Эдельман привлекателен и интересен ее герой. Она полемизирует с традицией, «заложенной еще старыми большевиками, ненавидевшими Сталина и очень хотевшими переложить лично на него всю ответственность за преступления режима, сняв ее с партии и (разумеется) с самих себя» (Ч. II. С. 543).

При описании конфликтов Кобы с товарищами по партии автор монографии, как правило, встает на его сторону, чаще обоснованно и доказательно, иной раз нет. И если у Иосифа Джугашвили впоследствии возобладали дурные политические свойства, то в этом, считает автор, виноваты его противники:

«Именно в Тифлисе от победивших врагов-однопартийцев, грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданией, будущий советский диктатор должен был получить яркий и наглядный урок, постигнуть практическую пользу не ведающей стыда полемики, хвастовства мнимыми успехами, агрессивных лживых обвинений, интриганства, дискредитации оппонентов, непринужденной смелой риторики на противоположную, если она оказывается более

выгодной. Всем этим пользовались его противники, и эта тактика оказалась успешной. Грузинские меньшевики, позднее описывавшие Джугашвили-Кобу как человека в высшей мере неприятного, со своей стороны сделали немало для того, чтобы юный автор романтических стихов, любитель романов Гюго и народных песен Сосо Джугашвили превратился в коварного и безжалостного Иосифа Сталина» (Ч. I. С. 644).

С этим суждением автора можно согласиться. Но характеристика ссыльной истории в Туруханской крае изложена отнюдь не столь убедительно. В конфликте Кобы и товарища Андрея (Свердлова) Эдельман безоговорочно принимает сторону своего героя (Ч. II. С. 542–543). Сюжетная линия «Яков Свердлов – Филипп Голощекин в Туруханской ссылке» кажется избыточной, она резко выбивается из общего стиля. Ссылка на показания Николая Ежова во время следствия «о некоторых [его собственных. – О.Л.] порочных привычках» не выглядит убедительной (Ч. II. С. 543).

Мне кажется, что напрасно Эдельман включила в монографию большую выдержку из статьи Бориса Николаевского, в которой тот квалифицирует философскую полемику Ленина против эмпириокритицизма как идеологическую завесу, при помощи которой лидер большевиков пытался избавиться от своих ближайших сотрудников, ставших для него помехой (Ч. II. С. 86–87). Ленин ценил труды Никколо Макиавелли, но ему не подражал. И такие многоходовые комбинации – тем более сопряженные с такими временными затратами – для большевистского лидера были совсем не характерны.

И, наконец, ответим на ранее заданный нами же вопрос: является ли академическое исследование Ольги Эдельман политическим высказыванием? Ответить на него приходится утвердительно. Образ Сталина грубо и зримо присутствует в российской массовой культуре и в политических повестках российского общества. Уже по этой причине историческая монография о Сталине-революционере привлечет внимание хотя бы своим названием. В сегодняшней идейной полемике она по необходимости наполнится политическими коннотациями самого разного толка. Если же публика пройдет мимо – у больших книг сегодня мало читателей, – то вместо нее в идейный конфликт вступят историки. Неизбежно последуют обвинения в восхвалении тирана, а с другой стороны, в очернении вождя. Пишущим историю XX века полемики такого рода не избежать. А книгу обязательно прочесть надо, тем более она написана превосходным литературным русским языком.